

М. Горький и Д. Мережковский

Пересечение мировоззренческих границ М. Горького и Д. Мережковского возвращает нас к главным вопросам полемики первых десятилетий XX века: отношению к религии, путям становления личности, культурному развитию современности и др. Россия к началу века оказалась на распутье. Каким путем пойти? Как сохранить самобытность и в то же время стать вровень с европейскими державами? Эти вопросы были камнем преткновения в споре между западниками и славянофилами в XIX веке и требовали неотложного решения в начале XX, в так называемую «эпоху перемен». Литературная жизнь этого времени больше, чем когда-либо была связана с историко-культурологической ситуацией в стране.

Мережковский и Горький – две заметные личности в литературе и культуре начала века. Думая, по сути, над одними и теми же волновавшими всех вопросами, они оказались в своих оценках на разных полюсах. Парадоксально, но, соприкасаясь в противостоянии, Мережковский и Горький служат иллюстрацией кризисного состояния эпохи, их породившей. Разные в мировоззренческом аспекте (М. Горький – атеист, певец «свободного человека», реалист, Д. Мережковский – приверженец нового религиозного сознания, символист, мистик) они были близки в том, что пытались найти ответы на вопросы, которые ставила перед Россией история, культура и литература новой эпохи.

Отношение к Горькому у Мережковского выразилось в цикле статей 1906–1916 гг., в которых концептуально осмыслены мировоззренческие позиции Горького-художника: «Чехов и Горький» (1906), «Сердце человеческое и сердце звериное» (повесть «Исповедь»), «Горький и Достоевский» (отклик на горьковские выступления о «карамазовщине» по поводу постановки «Бесов» в Художественном театре), а в 1916 году – статья о «Детстве» под названием «Не святая Русь» (Религия Горького). С интересом относившийся к твор-

честву М. Горького Мережковский не всегда в своих критических откликах был последователен и однозначен. Но никогда под сомнение не становилось то, что творчество Горького – явление уникальное, цельное, самобытное и по-настоящему еще не открытое: «В произведениях Горького нет искусства; но в них есть то, что едва ли менее ценно, чем самое высокое искусство: жизнь, правдивейший подлинник жизни, кусок, вырванный из жизни с телом и кровью» (1, 622).

Все статьи Мережковского о Горьком отражают полярность взглядов двух талантливых людей не просто по-разному смотревших на мир, но и являвшихся в своем роде идеологическими оппонентами. Выступления одного провоцировали резкий отзыв другого. И лишь в одной работе Мережковский попытался сблизить свою религиозно-философскую концепцию с идейной позицией Горького и обрести союзника в его лице. Статья «Не святая Русь» – своеобразный отклик на статью Горького «Две души» и повесть «Детство». Впервые Мережковский открыто поддерживал Горького. Если раньше он как представитель философско-религиозного направления отказывал Горькому в религиозности, не принимал атеистические основы концепции «сверхчеловека», то теперь подзаголовок статьи подчеркнуто примиряющий – «Религия Горького». Мережковский посвящает атеиста Горького в «богоскисатели», а повесть «Детство» называет одной из самых религиозных книг в русской литературе.

Статья впервые была опубликована в газете «Русское слово» (1916, 11 сент.), где ранее публиковалась частями и сама повесть «Детство». Мережковский был убежден в рождении нового Горького. После выхода в свет повести не только Мережковский, но ряд других идеологических оппонентов Горького увидели в его реализме новый этап: мастерство не только в бытописании, но и в глубоком постижении проблем и судеб русского народа. Наметилась новая волна «признания» Горького. Мережковский даже опровергает позицию своего единомышленника Д. Философова, который в 1907 году предсказал «конец Горького» в статье с аналогичным названием. Мережковский, вопреки предсказанию Философова, оценил Горького как человека сильного, сумевшего пережить взлеты и падения, испытание славой (2, 305). Но с оговоркой, что Горький «кончился» не как художник, а как «пророк сверхчеловеческого босячества». Горький «переродился», потому что смог перерасти свою «религию сверхчеловека», «религию без Бога», которая была, по его мнению, «бессознательной для русской интеллигенции и заключалась в том, что все в мире существует для человека и ради человека, человек – вот правда» (1, 629). Горький действительно «исповедовал» эту религию одним из первых. Мережковский был убежден, что в повести «Детство» Горький смог обрести ту «полноту сознания», которая не может быть нерелигиозной, так как это завершение процесса формирования сознания, «абсолютный его

М. Горький и Д. Мережковский

передел», достичь которого можно лишь уверовав в Бога. Религиозный философ пытается приблизить Горького к религиозному мышлению. С этих позиций им определяется и место Горького среди титанов русской литературы – Л. Толстого и Ф. Достоевского: «По сравнению с теми, великими, Горький мал. Мало все, что рождается; велико все, что выросло, достигло своего предела и конца. Великим кажется прошлое, малым – будущее. Вот почему Горький и те, великие, – младенец и взрослые, росток, из-под земли едва появившийся, и дремучие, древние дубы. Но они кончают, а он начинает. Они настоящее и прошлое, а он будущее. Откуда идет Россия, можно судить по ним, а куда – по Горькому» (2, 304).

Теперь Горький воспринимается Мережковским как «пророк», который может указать правильный путь России. Он увидел в «Детстве» путь к Богу простого человека, близость Горького к народной стихии, которую теперь он передает не только изображением быта простолюдинов, а через религиозное сознание. При этом Мережковский озадачен вопросом: как человек нерелигиозный мог так неосознанно передать религиозное сознание? И сам на этот вопрос ищет ответы.

В статье «Не святая Русь» Мережковский соотносит мировоззренческую позицию Горького с той религией, которую исповедуют главные герои повести «Детства» – бабушка и дедушка Алеша Пешкова. Исповедуя христианство, бабушка и дедушка Бога воспринимают по-разному. У каждого из них «свой» Бог. Бабушкин Бог в тексте повести – нечто доброе и жалостливое ко всем бедам и тяготам людским. В молитвах бабушка обращается к нему как к другу, подробно рассказывая обо всех бедах и радостях, которые происходят в доме. Она с ним говорит просто, не «по-книжному». И дед часто ругает ее за то, что она «не так молится», называет «еретицей», но бабушка уверена – «он поймет» (3).

Бабушка часто рассказывает Алеше о «своем» Боге, который кажется полусказочным героем, сидящим на райском лугу под вечноцветущими липами. Ангелов бабушка сравнивает со снегом и голубями, которые летают и восславляют Господа Бога. Самое главное – бабушкин Бог справедлив. У него все, по ее словам, хорошо – на небе и на земле. Она живет с Богом в мире. Как и он, она жалеет всех и прощает людские грехи, а на Руси жалость всегда была сродни любви.

Алеше нравился бабушкин Бог, он любил слушать ее молитвы, просил рассказывать о нем. Дедушкин же Бог, напротив, был неприятен ему. Хотя Алеша овладел грамотой с помощью деда и выучил наизусть молитвы по его книгам – Псалтырю и Библии, однако, тепла и любви, как к бабушкиному Богу, не испытывал.

Дедушкин Бог представляется в повести как нечто отстраненное от жизни людской. «Он не любил никого, следил за всем строгим оком, он прежде

всего искал и видел в человеке дурное, злое, грешное. Было ясно, что он не верит человеку, всегда ждет покаяния и любит наказывать»(3). Дед так же как и его Бог следил за всеми, пытаясь вразумить близких, наказывал и заставлял их страдать. По дедушкиной религии – все человеческое непрочно, его Господь может разрушить в любой момент. Рассказывая внуку о необоримой силе божией, он всегда подчеркивал ее жестокость: «согрешили люди – и потоплены, еще согрешиями – и сожжены, разрушены города их...» (3). Дедушкин Бог был не жалостлив к людям и даже зол, поэтому Алеша и любил бабушкиного Бога. Но сосуществование двух Богов в голове мальчика «раздвояло» его душу, вносило тревогу и страх.

Д. Мережковский, анализируя повесть, строит свою концепцию путем символического соотношения художественной системы образов с христианской Троицей. «Бабушка – сама Россия в ее глубочайшей народной религиозной сущности», - пишет он. Религия ее – особенная, «не христианская, но и не еретическая», молится она по-своему, но на языке человеческого нет молитв прекраснейших, чем ее акафисты Божьей Матери»: «Радость неизбывная...яблоня во цвету..., сердечушко мое чистое, небесное..., солнышко золотое...». «И всего удивительнее, – продолжает Мережковский, – что услышал это неслыханное, затаеннейшее в сердце народа, в сердце земли не христианин Толстой, не православный Достоевский, а «безбожный» Горький» (2, 308.)

В догматической христианской Троице – Отец, Сын и Дух, а в бабушкиной – Отец, Сын и Мать. Лик Духа у нее предстает в лике Матери-Земли. Мережковский у этой «святой грешницы» видит то новое, что сумел почувствовать «безбожник» Горький. Откровение Отца – любовь к миру, откровение Сына – любовь к Богу, откровение Духа – любовь к миру, Богу и к земле вместе. Это и есть религия Бабушки, высота русского религиозного сознания.

По Мережковскому, Бабушка (он в статье называет Бабушку и Дедушку с большой буквы) олицетворяет религию, соединившую в себе «божественное» и «земное». Согласно религиозно-философской концепции Мережковского, образ Бабушки становится идейно-смысловым центром повести, потому что именно женское начало, Дух-Мать, идеальная субстанция, которая может спасти мир. В повести образ Бабушки и является для многих героев «островом спасения». Ее всепрощение людских грехов поднимает образ в глазах читателя до символа и изумляет как нечто непостижимое, как сам феномен русского человека и России. Поскольку горьковская религия в повести представляется Мережковскому в виде триады: «завет Отца – завет Сына – завет Матери-Духа», то и главных героев он тоже рассматривает в пределах этой схемы: Бабушка – Мать-Дух, Дедушка – Отец, Алеша – Сын. Такой трактовкой Мережковский приближает повесть Горького к «нео-

М. Горький и Д. Мережковский

христианской концепции», согласно которой и переосмысливается триипостасное Божество – Святая Троица.

Отождествляя религию Бабушки с мировоззренческой позицией Горького, Мережковский на их «тождестве» строит свою концепцию повести. Приводя горьковские слова о том, что в детстве «Бог был самым лучшим и светлым, что окружало меня», он пишет: «Так было в детстве, в начале жизни. Когда круг замыкается, то начало сходится с концом. Богом все началось у Горького – не богом ли и кончится? Бог его – «Бабушкин Бог» (2, 306). Понимая жизнь человека как некий «круг», Мережковский имеет в виду возвращение человека в конце жизни и своим истокам, к тому, от чего ушел, обогащенный знаниями о жизни. Следовательно, Горький, по мысли Мережковского, открыв в детстве Бога, и сейчас ищет его, а в конце жизни обязательно должен к нему вернуться.

Для критика важны были не рассуждения Горького о религии и даже не его концепция, представленная в статье «Две души», а суть идеи о двух душах русского народа. По Горькому-публицисту, Россия находится на краю гибели, так как мечется от одной души к другой. Чтобы спасти Россию, нужно отречься от Востока и обратиться к Западу. Эту идею Мережковский перенес на почву концептуального осмысления повести «Детство»: Бабушка и Дедушка понимаются как две души России: восточная и западная. Бабушка, которая знает, но не делает, а созерцает, отождествляется Мережковским с восточным началом. Дедушка – грамотный, знания черпает не только из жизни, как бабушка, но и из книг, читает «Часослов» и «Псалтырь», живет не чувствами, а разумом. Образованность, православность и державность Мережковский называет западным началом.

Давая оценку роли, которую играют в России Дедушка, олицетворяющий западную душу, и Бабушка – восточная душа, Мережковский дает свой рецепт спасения России. В отличие от Горького-публициста, он предлагает гармоничное слияние этих душ. Синтез Востока и Запада и может стать путем спасения России.

Горький-художник, по мнению Мережковского, опровергает Горького-публициста: не надо идти за Западом, этим «Святую Русь» не освятить, не избавить от грехов. Несовпадение взглядов, представленных в статье Горького и в повести, Мережковский объясняет в рамках своей концепции: Горький сам подобен России, так как у него тоже две души, между которыми он «разрывается». В повести он писал, что «детское различие между богами тревожно раздвояло мою душу» (3).

Увидев в повести «Детство» «бессознательное» стремление Горького к религиозному сознанию, Мережковский воспринял его как писателя, сумевшего указать путь к Богу простого человека, и соотнес религию Горького с той, которую исповедуют главные герои произведения. Опираясь на горь-

ковскую концепцию «двух душ русского народа» в статье «Две души», Мережковский соотнес их с образами Бабушки и Дедушки из повести «Детство». Опровергнув Горького-публициста, но согласившись с Горьким-художником, Мережковский спасение России увидел в сохранении обеих душ – восточной и западной и слиянии их воедино.

Использованная литература:

1. Мережковский Д. С.: Эстетика и критика. В 2т. Т.1. Москва – Харьков 1994.
2. Мережковский Д. С.: Акрополь. Избранные литературно-критические статьи. Москва 1991.
3. Горький М.: Детство. Собр. Соч. в 18т. Т.9. Москва 1962.
4. Горький М.: Две души. In: Pro et contra: личность и творчество М. Горького в оценке русских исследователей 1890–1910 гг. Москва 1997.
5. Ревякина Н.: Мережковский о М. Горьком: против и за. In: Мережковский Д. Мысль и слово. Москва 1990.
6. Философов Д.: Конец Горького. In: Pro et contra: личность и творчество М. Горького в оценке русских исследователей 1890–1910 гг. Москва 1997.